

ею; только тотъ человѣкъ, который не въ выставленіи своихъ духовныхъ достоинствъ, но въ постоянной уступкѣ ихъ находитъ цѣль жизни, можетъ помогать духовно-страдающему человѣчеству. Вѣдь кромѣ голодныхъ и холодныхъ существуютъ и озлобленные, отчаявшіеся, ненавидящіе, и другіе душевно больные люди, существуютъ они вездѣ во всѣхъ сословіяхъ, существуютъ и между исполнителями пяти заповѣдей, каковъ и извѣстный герой Пушкина, отрешившійся отъ сословія, имуществва и народности, и ушедшій къ цыганамъ, но оставшійся «гордымъ человѣкомъ», а потому и не избавившійся отъ преступныхъ дѣяній и не нашедшій успокоенія сердцу.

Кто же, кто можетъ пособить этимъ духовнымъ страдальцамъ, какъ не тотъ, чья душа не сжимается, какъ улитка, при прикосновеніи всего шероховатаго, не бережетъ себя отъ всякаго грубаго отношенія со стороны ближняго къ проявленному ему участию. Смотрите, какъ любовь, лишенная смиренія, оказывается безсильной для взаимной духовной помощи людей. Посмотрите на семью, лишившуюся любимаго своего члена: эта семья имѣетъ много сострадающихъ ей близкихъ, но рѣдко кто изъ нихъ рѣшится сказать слово утѣшенія плачущимъ. И причиной тому общій ложный стыдъ—открыть свою душу ближнему; причиной тому—боязливое самолюбіе человѣческое. Гордость причиной тому, что люди ставятъ мѣдную доску другъ другу между собой и не могутъ слиться въ одной общей духовной жизни. «Смирись гордый человѣкъ!» возглашалъ великій писатель въ слухъ цѣлой Россіи ко всѣмъ филантропамъ, искавшимъ разгадки своей неспособности дѣлать добро. Смиреніе, отреченіе отъ своего духовнаго себялюбія есть то начало, къ которому нужно пригрѣпить любовь, чтобы устроеніе единства всѣхъ людей въ Богѣ и во взаимномъ самоотреченіи не нуждалось въ исключеніи самаго понятія личности и свободы, какъ это выходитъ по новой вѣрѣ, чтобы мы не лишались тѣхъ идей, безъ коихъ исчезаетъ самое понятіе нравственно-должнаго. Имѣя смиреніе и любовь, какъ тому учитъ вѣра православная, каждый человѣкъ, оставаясь личнымъ и свободнымъ, будетъ жертвовать своею личностью и подчинять свою свободу любви. Тогда-то «будетъ Богъ всяческая во всѣхъ», будетъ осуществляться свободный союзъ личнаго Бога со свободными личностями.

На этомъ мы, пока, окончимъ сравнительный разборъ новой вѣры. Но, можетъ быть, вы будете недоумѣвать,—почему